

offensive) an Asian; *little people* – (derog.) – Asian people; *slope/slopy/slopehead* – (derog. and offensive) an Asian; spec. a Vietnamese; *dink* – (derog.) a Vietnamese person; *Nip* – (derog. and offensive) Japanese; *Pong, chow, Chink/Chinke/Chinky* – (derog. and offensive) a Chinese person; *roundeye* – a European person; *pea-soup* – a French Canadian; *Frenchy/Frenchie, Canuck* – (derog.) a French person or French Canadian; *frog/Frog* (derog.) – a French person; *Aussie* – an Australian [6] тощо.

Аналіз словника сленгу *Oxford Dictionary of Modern Slang* свідчить про те, що найпоширенішими в полі ксенофобії у сучасній англійській мові є лексичні одиниці та сполучення, пов'язані з німцями, євреями, та особами азіатського походження. Тільки поодинокі слова зустрічаються для позначення представників інших націй. Такий факт означає, що контакти з цими націями не були масовими й англосакси не відчували загрози своїй безпеці з боку представників цих націй.

Отже, вивчення етнонімів, закономірностей їх виникнення, розвитку та вживання тісно пов'язане з вивченням самих етносів. Самоназивання як вираження самосвідомості та називання іншими, стереотипізоване усвідомлення ззовні, становлять одну із найважливіших ознак певної етнічної єдності. Стійкість самого етносу в цілому як соціальної системи виступає умовою відносною стабільності відображення його в свідомості та самосвідомості. Етноніми відображають певні структури знання, що є суттєвими для оптимізації процесів міжкультурної комунікації. Етноніми, крім строго визначених етносів, зазвичай позначають наднаціональні, етнічно змішані адміністративно-політичні спільноти. У процесі номінації представники англомовного суспільства демонструють стереотипні уявлення стосовно національних характерів, поведінки представників інших народів, їхнього способу життя та діяльності, використовуючи відповідні етнономінації, які часто мають у семантиці іронічні або принизливі характеристики референта. Поява стереотипів щодо "чужих" народів зумовлюється такими особливостями сприймання, як виділення та протиставлення ознак, нетипових для співвітчизників. Етнічні стереотипи є відносними, оскільки вони не мають універсального характеру.

Джерела та література:

1. Святюк Ю.В. Лінгвокультурологічний та лінгвокогнітивний аспекти етнонімів у сучасній англійській мові // Слов'янський вісник/ Збірник наук.праць: Серія Філологічні науки. – Рівне, 2003. – №3. – С. 53–57.
2. Святюк Ю.В. Семантика та функціонування етнономінацій у сучасній англійській мові: Автореф.дис...канд.філол.наук: 10.02.04. – Донецьк, 2005. – 20 с.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
4. Ковалёв Г.Ф. Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1991. – 175 с.
5. Schwarz C. Chambers Concise Dictionary. – Edinburgh, 1999.
6. Ayto J. Oxford Dictionary of Modern Slang. – New York, 1996.
7. Швейцер А.Д. Некоторые аспекты языковой политики в США// Известия РАН: Серия литературы и языка. – 1996. – Т.55. – №2. – С. 11 – 18.
8. Сахно С.Л. „Свое – Чужое” в концептуальных структурах//Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 95 – 101.
9. Сорокин Ю.А. Этнические формы культуры: сознание и модусы его вербальной репрезентации// Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 21 – 36.
10. Ажнюк Б.М. Мовна лояльність і американізація в українській діаспорі // Мови європейського ареалу: Розвиток і взаємодія. – К.: Довіра, 1995. – С. 179 – 188.
11. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
12. Ayto J. The Longman Register of New Words. – Harlow, Essex, 1989.
13. The Longman Register of New Words. – Longman: Русский язык, 1990.

Устинович Е.А.

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА И ДИГЛОССИИ

Используемые в современной социолингвистике методы сбора и обработки информации обусловлены прежде всего спецификой стоящих перед социолингвистами задач. Так как данная наука является сравнительно молодой, процесс разработки единой методики исследований не вошел в завершающую стадию.

Целью данной статьи является систематизация методов сбора и обработки материала, используемых в социолингвистике на данный момент.

Теоретическая ценность статьи видится в формулировке основных преимуществ и функциональных ограничений, связанных с использованием наиболее распространенных методологических приемов современной социолингвистики.

Возникнув на стыке социологии и лингвистики, социолингвистика широко использует методы обеих дисциплин. В начале 1980-х гг. В.А.Звегинцев, критикуя "методологическую всеядность" социолингвистики, высказывал мнение о том, что именно методология социолингвистики представляет собой "самое сла-

бое ее место" [1, с. 266]. Однако продолжающаяся конкретизация предметной области социолингвистики сопровождается формированием собственного методологического аппарата, в связи с чем многие исследования (в частности, те, которые опираются на концепцию Д.Хаймса) характеризуются отказом от слишком широкой трактовки задач социолингвистики.

Большинство методов, используемых при разработке социолингвистических теорий, можно разделить на три основные категории: методы сбора информации, методы социолингвистического анализа полученного материала и методы проверки достоверности результатов исследования.

Процесс сбора информации в большинстве исследований состоит из двух этапов: отбора информантов и получения необходимого языкового материала. Методы, используемые в социолингвистике для отбора информантов, заимствованы, как правило, из социологических исследований.

Целью отбора информантов является получение генеральной совокупности – множества "всех индивидов, чьи языковые особенности являются объектом конкретного социолингвистического анализа" [2, с. 268]. В тех случаях, когда объект исследования связан с генеральной совокупностью многочисленной группы, охватить которую можно лишь теоретически, возникает необходимость формирования выборочной совокупности, или выборки [2, с. 59], адекватно представляющей интересующую исследователя группу населения.

Критерием принадлежности потенциальных информантов к выборке является ряд лингвистических и внеязыковых факторов, определяющих языковое поведение данных лиц. В исследованиях, связанных с изучением билингвизма и диглоссии, первостепенное значение приобретают следующие факторы: этническая и территориальная принадлежность, уровень образования, род занятий, политические и религиозные убеждения, возраст и пол. Объективная оценка данных факторов связана с рядом методологических трудностей. Например, при выделении критерия этнической принадлежности исследователи в ряде случаев сталкиваются с такими явлениями, как неопределенная этничность (когда опрошенные затрудняются при ответе на вопрос о своей этнической принадлежности), двойная, или подвижная этничность (когда ответы на вопрос варьируются в зависимости от того, что выгоднее говорящему в данный момент), навязанная этничность (встречающаяся в странах с паспортной системой) [2, с. 61]. Наиболее распространенный подход, используемый в исследованиях У.Лабова [3; 4; 5], Л.Милрой [6], П.Традгхилла [7], Р.Фейсолда [8], Д.Хаймса [9], Дж.Уеллса [10], П.Эккерт [11], и других представителей английской и американской школ социолингвистики, опирается на объективные социологические данные. Субъективные оценки говорящими своего статуса используются исследователями в качестве коррелята для уточнения объективных показателей. Данный подход был разработан в результате критики методологии, опирающейся исключительно на объективные социологические параметры.

Для отбора индивидов, соответствующих критериям генеральной совокупности, используется три вида выборки: случайная выборка (*random sample*), представительная выборка (*representative sample*) и структурированная сознательная выборка (*peer-group sample*).

Случайная выборка проводится для исключения какой-либо предвзятости со стороны исследователя и производится на основе генерации случайных чисел. Однако, по мнению У.Лабова, метод случайной выборки далеко не всегда подходит для изучения социолингвистических проблем. Автор обращает внимание на невозможность включения других факторов, оказывающих влияние на речевое поведение индивидов, например, родственных связей. "Случайная выборка, которую я использовал, включала каждый десятый дом и каждую седьмую квартиру в этом доме. И хотя в таком случае исключена предвзятость, данный метод не позволял выбирать респондентов случайным образом в пределах семьи" [4, с. 201]. Так как один и тот же индивид может оказаться носителем нескольких интересующих исследователя признаков, сплошная выборка ограничивает возможности изучения корреляции между различными социологическими факторами. Такое изучение становится возможным на материале представительной выборки, составление которой происходит в два этапа. На первом этапе определяется социальный состав изучаемой группы. Задачей второго этапа является подбор информантов в процентном отношении, соответствующем стратификации генеральной совокупности. Однако при социолингвистических исследованиях данный подход связан с серьезными ограничениями, так как для получения объективной картины необходимо опросить значительное число информантов – сотни или, возможно, тысячи. В таких случаях количество информантов не позволяет сконцентрироваться более чем на двух-трех лингвистических особенностях. В.И.Беликов и Л.П.Крысин подчеркивают также важность личного общения с информантами, теряющегося при массовых опросах [1, с. 270].

Для устранения вышеупомянутых методологических трудностей оптимальным представляется использование сознательной выборки. Данная методика позволяет полностью исключить элемент случайности, так как исследователь проводит наблюдения одной, четко определенной и ограниченной группы опрошенных. Работы У.Лабова по изучению речи черных подростков в Гарлеме [5], П.Традгхилла, посвященные функционированию диалектной речи в Норвиче [7], Л.Милрой, связанные с вариативностью английского языка в Белфасте [6], и многие другие свидетельствуют о возможностях эффективного использования метода сознательной выборки в социолингвистических исследованиях, несмотря на невозможность применения данного метода при массовых опросах.

Н.Б.Вахтин и Е.В.Головки обращают внимание на то, что ни одна выборка не может быть идеальной, "поскольку всегда имеет место логический круг: идеальную выборку можно составить, только если заранее точно знать, какие социальные и иные параметры оказывают влияние на исследуемый феномен, а это обычно становится ясно лишь в результате исследования" [2, с. 67]. С учетом данных ограничений, методи-

ка сознательной выборки представляется наиболее адекватной для изучения реализации значительного количества социофонетических переменных в речи опрошенных.

При изучении самой речи в социалингвистике, как и во многих других науках, первоочередное значение придается наблюдению. Одна из главных сложностей, связанных с наблюдением за речевым поведением информантов в социалингвистике, заключается в "парадоксе наблюдателя", сформулированного У.Лабовым следующим образом: "...целью лингвистических исследований речевого коллектива является выяснение того, как говорят люди, когда за ними не ведется систематического наблюдения; а получить такие данные можно лишь путем систематических наблюдений" [3, с. 121]. Данная проблема не является неразрешимой. По мысли автора, для преодоления "парадокса наблюдателя" необходимо "изыскать способы дополнить официальные интервью другими данными или как-либо изменить структуру самой ситуации интервью" [3, с. 121]. Важную роль в сборе речевого материала играет включенное наблюдение, при котором наблюдатель фиксирует особенности речи изучаемой группы, будучи одним из ее участников. В некоторых случаях присутствие наблюдателя и влияние записывающей аппаратуры удается скрыть. Однако, по мнению Е.А.Земской, необходимость в использовании скрытой записи существует далеко не всегда, так как при длительном общении с информантами "эффект микрофона в значительной степени удается снять" [1, с. 284]. "Эффект микрофона" удается ослабить и в условиях группового интервью, когда происходит коммуникация информантов не только с наблюдателем, но и друг с другом. Дж.Гамперц в статье "Типы языковых сообществ" [12] описывает коммуникативную ситуацию с участием норвежцев, владеющих национальным вариантом языка и диалектом. Несмотря на то, что при обращении к исследователю опрошенные использовали стандартный вариант языка – букмол, при общении друг с другом они переключались на диалект, изучение которого являлось одной из главных целей исследования. Кроме того, "эффект микрофона" удается значительно ослабить и тогда, когда опрошенные не знают точной цели интервью. Наиболее эффективными оказываются вопросы, не связанные с особенностями речи, так как, отвечая на такие вопросы, информанты предполагают, что важна не сама речь, а то, о чем они говорят. Эффективные вопросы для интервью должны касаться тем, на которые информанты говорят охотно, эмоционально, пытаясь убедить собеседника.

В современной социалингвистике широко распространена учитывающая данные особенности методика структурированных (спонтанных, полустандартных) интервью. Формальные (строго спланированные) интервью используются намного реже, так как изучение спонтанной речи в условиях формального интервью практически невозможно. Неформальные интервью предполагают свободное развитие беседы, что способствует получению данных, связанных с фонетическими особенностями речи говорящих [1, с. 286]. Роль заранее подготовленных вопросов сводится лишь к тому, чтобы провоцировать интервьюируемого на употребление тех или иных языковых единиц.

Для выявления фоностилистической дифференциации языка создаются коммуникативные ситуации разного типа с участием одних и тех же информантов. Неформальное интервью позволяет получить представление о неофициальной речи говорящих. Для изучения речевого поведения информантов в ситуациях более официального общения используется чтение текстов, списков слов и минимальных пар слов, отличающихся только одной фонемой, являющейся предметом изучения. П.Традхилл в исследованиях, посвященных вариативности английского языка в Норвиче [7], использовал записи спонтанных разговоров, интервью, чтение текстов, списков слов и минимальных пар, что позволило сделать ряд выводов о соотношении социальных и ситуативных факторов. Респонденты были разделены на пять групп в зависимости от социальных признаков. При переходе от чтения к бытовому разговору, частотность реализации нормативных фонем снижалась у всех групп опрошенных. Однако выяснилось, что для среднего класса основная граница проходит между бытовой и формальной речью, а для рабочего класса – между формальной речью и чтением. Данные закономерности наводят на мысль, что представители среднего класса чувствительны к различным степеням формальности коммуникации, в то время как представители рабочего класса – к переходу от устной коммуникации к письменной (от разговорной речи – к чтению), поскольку нормативное произношение ряда фонем у них ассоциируется со школой. Таким образом, изучение речи информантов в различных фоностилях, отождествляемых с соответствующими коммуникативными ситуациями, позволяет делать выводы о разном уровне престижа тех или иных вариантов реализации социофонетических переменных.

При обработке полученных в результате исследований данных в современной социалингвистике широко используются количественные методы – "совокупность приемов и процедур, направленных на получение цифровых данных, допускающих математическую обработку (как статистическую, так и нестатистическую)" [2, с. 89]. Количественные методы, в частности интервальная шкала, с помощью которой выявляется корреляция между двумя и более переменными величинами [13], позволяют достичь максимальной объективизации результатов исследования. В ходе анализа корреляции социалингвистических переменных одним из важнейших инструментов является графическое изображение наблюдаемого соотношения – в форме таблиц, диаграмм или графиков.

Несмотря на то, что процесс формирования методологической системы в современной социалингвистике еще не вошел в завершающую стадию, совокупность используемых методов в рамках того или иного исследования позволяет использовать рабочую систему, позволяющей достигать целей того или иного исследования на конкретном языковом материале.

Источники и литература

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социалингвистика. – М.: Издательский центр РГГУ, 2001. – 439 с.
2. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социалингвистика и социология языка. – СПб: Издательский центр "Гуманитарная академия", 2004. – 336 с.

3. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте. // Новое в лингвистике. – Вып. 7. – М.: Прогресс, 1975. – С. 96–181.
4. Labov W. The Social Stratification of English in New York City. – Washington, D. C.: Center for Applied Linguistics, 1966. – 655 p.
5. Labov W. Academic Ignorance and Black Intelligence // Atlantic Monthly, June 1972 (<http://www.ling.upenn.edu/~wlabov/papers/>).
6. Milroy L. Language and Social Networks. – Baltimore: University Park Press, 1980. – 218 p.
7. Trudghill P. The Social Differentiation of English in Norwich. – Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
8. Fasold R.W. The Sociolinguistics of Society. – Oxford: Blackwell Publishing, 1984. – 220 p.
9. Hymes D. Models of the Interaction of Language and Social Life. // Paulston C.B., Tucker R.G. (eds.) Sociolinguistics. – Blackwell Publishing, 2003.
10. Wells J.C. British English Pronunciation Preferences: A Changing Scene // Journal of International Phonetic Association. – N 29 (1). – 1999. – P. 33–50.
11. Eckert P. Adolescent Social Structure and the Spread of Linguistic Change // Language in Society. – N.17. – 1988. – Pp. 183–207.
12. Гамперц Дж. Типы языковых сообществ // Новое в лингвистике. Вып. 7. – М.: Прогресс, 1975. – С. 182–198.
13. Rietveld T., van Hout R. Quantitative Methods // Ammon U., Dittmar N., Mattheier K.J., Trudghill P. (eds.) Sociolinguistics / Soziolinguistik. – Berlin / New York: Walter de Gruyter, 2005. – P. 965–978.